

Артур Конан Дойл. Пропавший регбист

Из множества загадочных телеграмм, приходивших на Бейкер-стрит, мне особенно запомнилась одна, которую принесли хмурым февральским утром лет семь или восемь назад. Телеграмма была адресована Шерлоку Холмсу, и в ней говорилось: "Подождите меня. Ужасное несчастье. Исчез правый трехчетвертной. Крайне необходим завтра. Овертон". Целый час просидел Холмс, размышляя над ней в недоумении.

- Почтовый штемпель Стэнда, отправлена в десять тридцать шесть, - сказал Холмс, снова и снова перечитывая телеграмму. - Должно быть, мистер Овертон очень волновался, и телеграмма получилась не совсем понятной. Ну что ж, мы подождем его и тогда все узнаем. А пока я почитаю сегодняшней "Таймс". Со скуки я готов взяться за самое пустячное дело.

Мы действительно переживали один из периодов бездействия. Это всегда доставляло мне немало беспокойства, ибо я по опыту знал, как опасно оставлять без работы его чрезвычайно активный мозг. Много лет я боролся с его пристрастием к наркотикам, которое одно время чуть было не погубило его поразительный талант. И теперь, даже в состоянии безделья, он не испытывал влечения к этому искусственному возбуждению. Но я понимал, что опасная привычка не уничтожена совсем, она дремлет; и всякий раз, как я замечал его осунувшееся аскетическое лицо и беспокойный блеск в глубоко посаженных глазах, я чувствовал, что сон неглубок и пробуждение близко. И я благословлял этого мистера Овертона, кто бы он ни был, нарушившего своей загадочной телеграммой покой моего друга, который грозил ему большими бедствиями, чем все опасности его беспокойной жизни.

Как мы и предполагали, вскоре за телеграммой появился и ее отправитель. О его прибытии возвестила визитная карточка, на которой стояло: мистер Сирил Овертон, Тринити-колледж (Кембридж).

Задевая плечами косяки двери, в комнату вошел человек богатырского телосложения - не меньше двухсот фунтов крепких мускулов и костей. Он остановился, переводя взгляд с меня на Холмса; его красивое лицо выражало крайнюю озабоченность.

- Мистер Шерлок Холмс?

Мой друг поклонился.

- Я к вам прямо из Скотленд-Ярда, мистер Холмс. Я видел там инспектора Стэнли Хопкинса. Он посоветовал мне обратиться к вам, сказав, что это дело скорее по вашей части.

- Прошу вас, садитесь и расскажите, что случилось.

- Это ужасная история, мистер Холмс. Удивляюсь, как я еще не поседел. Вы, конечно, слышали о Годфри Стонтоне. На нем держится вся команда. Я готов отдать за него двух лучших игроков. Как он ведет мяч, пасует, какие применяет захваты! И при этом у него отличная голова: его слово для ребят закон! Без него нам нельзя, мистер Холмс. У нас, правда, есть Мурхаус, первый запасной. Но он полузащитник и всегда лезет в свалку, а не стоит,

где ему положено, у боковой линии. Он отлично бьет по воротам, ничего не скажешь. Но поля он не видит. И бегают плохо. За оксфордскими нападающими, за Муртоном или Джонсоном ему не угнаться! У Стивенсона быстрые ноги, но он не может бить с двадцати пяти ярдов, а кому нужен такой трехчетвертной, даже если он хорошо бегают? Короче говоря, мистер Холмс, если вы не поможете мне найти Годфри Стонтон, мы пропали.

Мой друг с живым интересом выслушал эту длинную горячую речь, каждое положение которой подкреплялось энергичным ударом мускулистой руки по колену. Когда посетитель умолк, Холмс дотянулся рукой до картотеки и положил на колени ящичек на букву "С". Но на сей раз это вместилище разнообразных сведений обмануло его надежды.

- Здесь значится Артур Х. Стонтон, приобретающий известность мошенник, - сказал он. - Есть также Генри Стонтон, которого вздернули на виселицу не без моей помощи. Но имя Годфри Стонтон я слышу впервые.

Теперь пришла очередь удивиться посетителю.

- Как, вам, всеведущему Шерлоку Холмсу, неизвестно это имя?! - воскликнул он. - В таком случае, надо полагать, что имя Сирила Овертона вам также ни о чем не говорит?

Холмс с добродушной улыбкой покачал головой.

- О боже! - вскричал атлет. - Ведь я был первым запасным в матче Англия - Уэльс, а с этого года капитан университетской команды. Но это неважно. Не думал я, что в Англии найдется хоть один человек, который не слышал о Годфри Стонтоне. Ведь это знаменитый трехчетвертной - гордость Кембриджа и Блэкхита, участник пяти международных встреч! Боже мой!

Мистер

Холмс, где вы были все это время?

Холмс рассмеялся наивности молодого гиганта.

- Мистер Овертон, вы живете в своем мире, чистом и здоровом, я живу в своем. Моя профессия сталкивала меня с людьми из разных слоев общества, но, слава богу, ни разу со спортсменами-любителями, этой самой лучшей и самой здоровой частью населения Англии. Однако ваш неожиданный приход говорит о том, что в этом мире свежего воздуха и честной игры есть работа и для меня. Итак, дорогой сэръ, прошу вас сесть и рассказать мне не спеша и возможно более подробно, что произошло и чем я могу вам помочь.

Молодое лицо Овертона приняло напряженное выражение, как бывает у людей, привыкших действовать силой, а не умом. Но мало-помалу с многочисленными повторениями и неясными местами, которые я опушу, он поведал нам свою странную историю.

- Как я уже говорил, - начал Овертон, - я капитан команды Кембриджского университета, и Годфри Стонтон - мой лучший игрок. Завтра у нас матч с Оксфордским университетом. Вчера мы приехали в Лондон и остановились в гостинице "Бентли". В десять часов вечера я обошел все комнаты и лично убедился, что все ребята на месте; я считаю, что успех команды зависит не только от усиленных тренировок, но и от крепкого многочасового сна. Я поговорил с Годфри, и мне показалось, что он бледен и как будто чем-то обеспокоен. Я спросил, что с ним, он ответил, что все в

порядке, - просто немного болит голова, и я пожелал ему спокойной ночи. А спустя полчаса ко мне в номер зашел портье и сказал, что в гостиницу только что приходил какой-то бородатый человек, по виду из простых, и попросил передать Годфри записку. Годфри еще не спал. Прочитав записку, он, словно пораженный громом, откинулся на спинку кресла. Перепуганный портье хотел позвать меня, но Годфри остановил его, потом выпил стакан воды и немного пришел в себя. Затем он спустился вниз, сказал несколько слов человеку, ожидавшемуся ответа, и они оба покинули гостиницу. Портье видел, как они чуть не бегом бросились к Стрэнду. Утром я зашел в комнату Годфри: его там не было, и, судя по нетронутой постели, не было всю ночь; вещи все оставались на тех же местах, как я их видел накануне вечером. Годфри ушел неизвестно куда и неизвестно с кем, и мне почему-то кажется, что он никогда больше не вернется. Годфри - спортсмен до мозга костей, он не мог бы из-за пустяков бросить тренировки. Не в его правилах подводить команду и капитана. Да, у меня такое предчувствие, что он исчез навсегда и мы никогда больше его не увидим.

Шерлок Холмс с глубоким вниманием выслушал этот рассказ.

- Вы что-нибудь предприняли? - спросил он.

- Я отправил телеграмму в Кембридж, чтобы узнать, не появлялся ли он там. Мне ответили, что в Кембридже его нет.

- Мог ли он вчера попасть в Кембридж?

- Да, ночным поездом одиннадцать часов пятнадцать минут.

- Но, насколько вы можете судить, он не воспользовался этим поездом?

- На вокзале его не видели.

- Что вы стали делать дальше?

- Я послал телеграмму лорду Маунт-Джеймсу.

- Почему именно ему?

- Годфри - сирота. Лорд Маунт-Джеймс - его близкий родственник, кажется, дядя.

- Вот как. Это по-новому освещает дело. Ведь лорд Маунт-Джеймс - один из самых богатых людей в Англии.

- Да, Годфри как-то вскользь говорил об этом.

- У лорда есть еще родственники?

- Нет, Годфри - его единственный наследник. Старику уже около восьмидесяти, он страдает подагрой. Говорят, он мог бы суставами мелить бильярдный кий. Он ужасный скряга, никогда не давал Годфри ни шиллинга. Но со временем все так или иначе перейдет к Годфри.

- Вы получили ответ от лорда?

- Нет.

- Что могло заставить вашего друга обратиться к лорду?

- Вчера вечером он был чем-то озабочен. Если из-за денег, то, возможно, он и обратился к старику. Ведь у того их куры не клюют. Но, по-моему, это дело безнадежное. И Годфри это знал, он почти никогда ни за чем не обращался к старику.

- Ну, это скоро выяснится. А теперь допустим, что он поехал к лорду. Тогда как вы объясните появление этого субъекта в столь поздний час, и

почему оно так подействовало на Годфри.

- Для меня все это полнейшая загадка, - ответил Сирил Овертон, сжав голову руками.

- Ну ладно. У меня сегодня свободный день, и я с удовольствием займусь вашим делом, - сказал Холмс. - А вам бы я посоветовал подумать о том, как провести матч без этого молодого человека. Как вы сами заметили, столь таинственное исчезновение должно иметь причину: и эта причина может задержать его неизвестно сколько времени. А сейчас в гостиницу, может, портье вспомнит еще что-нибудь.

Шерлок Холмс обладал счастливым даром располагать к себе самых робких свидетелей. Вместе с портье мы отправились в опустевшую комнату Годфри Стонтонна, и тот очень скоро рассказал ему все, что мог вспомнить о ночном посетителе. Это был мужчина лет пятидесяти, скромно одетый, с бледным лицом и седой бородой. Он не походил ни на джентльмена, ни на рабочего. Портье про него сказал: "...ни то ни се". Он был очень взволнован - портье заметил, как дрожала его рука, когда он протянул ему записку. Годфри Стонтон, прочитав принесенную портье записку, сунул ее в карман. Выйдя в холл, он не подал руки посетителю. Они только обменялись несколькими фразами, портье разобрал лишь слово "время". Потом оба поспешно покинули гостиницу. На часах в холле было ровно половина одиннадцатого.

- Еще несколько вопросов, - сказал Холмс, садясь на кровать Стонтонна.

- Вы дежурите днем, не так ли?

- Да, сэр. Я работаю до одиннадцати часов вечера.

- Ночной портье, надеюсь, ничего необычного не заметил?

- Нет, сэр. Только несколько человек вернулись поздно из театра.

Больше никто не приходил.

- Вы вчера никуда не отлучались из гостиницы?

- Нет, сэр.

- Были ли для мистера Стонтонна письма или телеграммы?

- Да, сэр, телеграмма.

- Вот как, это интересно. В котором часу?

- Около шести.

- Где мистер Стонтон получил ее?

- У себя в комнате.

- Вы видели, как он читал ее?

- Да, сэр: я ждал, не будет ли ответа.

- Ну и как?

- Он написал ответ, сэр.

- Вы отнесли его на почту?

- Нет, он отнес сам.

- Но он написал его в вашем присутствии?

- Да, сэр. Я стоял у двери, а он сидел за столом, спиной ко мне.

Когда он кончил писать, он сказал: "Можете идти, я отправлю ответ сам".

- Чем он писал ответ?

- Пером, сэр.

- Он взял телеграфный бланк со стола?

- Да, сэр. Он писал на верхнем бланке.

Холмс взял бланки и, подойдя к окну, тщательно осмотрел верхний.

- Жаль, что он не писал карандашом, - разочарованно сказал он, бросив бланки на стол. - Вы ведь, Уотсон, не раз, наверное, замечали, что буквы, написанные карандашом, четко отпечатываются на следующем листе - это обстоятельство разрушило немало счастливых браков. Ну, а здесь, к сожалению, нет никаких следов. Это значит, что он писал мягким широким пером. И я почти уверен, что в этом случае нам может помочь пресс-папье. Ага! Вот то, что нам нужно!

Он сорвал лист промокательной бумаги, и мы увидели на ней загадочные иероглифы.

- Поднесите к зеркалу! - заволновался Сирил Овертон.

- Не нужно, - сказал Холмс. - Бумага тонкая, мы увидим текст на обратной стороне.

Он перевернул листок, и мы прочитали: "Помогите нам, ради всего святого".

- Это последние слова телеграммы, которую Годфри Стонтон отправил за несколько часов до исчезновения. Не хватает по меньшей мере шести слов. Но и то, что есть, свидетельствует о серьезной опасности, угрожавшей молодому человеку, от которой кто-то мог бы защитить его. Причем, опасность угрожала двоим - в телеграмме стоит "нам", а не "мне". Так что замешан еще один человек. И это, конечно, ночной посетитель Годфри Стонтон, который сам был в крайнем смятении. Но что у него может быть с ним общего? И кто этот третий, кому была послана мольба о помощи? Вот с него-то мы и начнем наши поиски.

- Значит, первым делом надо узнать, кому послана телеграмма, - предположил я.

- Совершенно верно, мой дорогой Уотсон. Эта глубокая мысль и мне пришла в голову. Но разве вам неизвестно, что если мы явимся на почту и потребуем корешок телеграммы, то служащие едва ли пойдут нам навстречу. Столько еще у нас бюрократизма! Однако, если взяться за дело с умом и тактом, то можно, пожалуй, надеяться на успех. А теперь, мистер Овертон, я хотел бы в вашем присутствии просмотреть бумаги, оставленные на столе.

Холмс переворачивал быстрыми, тонкими пальцами письма, счета и записные книжки, изучая их живым, проницательным взглядом.

- Ничего интересного, - сказал он наконец. - кстати, ваш друг, кажется, не жаловался на здоровье. Его ничего не беспокоило?

- Нет, он здоров как бык.

- Вы когда-нибудь видели его больным?

- Ни разу. Однажды он расшиб ногу, и еще как-то у него сместилась коленная чашечка, но все это пустяки.

- И все-таки, возможно, он не так уж здоров, как вам кажется. По-моему, он чем-то болен, но держит это в тайне. С вашего согласия я захвачу с собой некоторые бумаги, они могут понадобиться нам в дальнейшем.

- Одну минуту, - послышался скрипучий голос, и, оглянувшись, мы увидели в дверях смешного старичка, размахивающего руками. На нем был

порыжелый сюртук с развязавшимся белым галстуком и цилиндр с необычайно широкими полями. Он был похож на деревенского священника или наемного плакальщика. Но, несмотря на этот жалкий, почти нелепый вид, его резкий голос и решительные манеры выдавали в нем человека, привыкшего повелевать.

- Кто вы такой, сэр, и по какому праву берете бумаги этого джентльмена? - спросил он.

- Я частный сыщик. Хочу найти причину его исчезновения.

- Ах вон оно что! А кто вас об этом просил?

- Вот этот джентльмен, друг мистера Стонтон. Его направили ко мне из Скотленд-Ярда.

- Кто вы такой, сэр?

- Я Сирил Овертон.

- Значит, это вы послали мне телеграмму. Я лорд Маунт-Джеймс. Получив ее, я с первым же omnibusом отправился сюда. Значит, это вы наняли сыщика?

- Да, сэр.

- И вы готовы платить?

- Я не сомневаюсь, что мой друг Годфри оплатит счет.

- А если вы его не найдете? Что тогда, отвечайте!

- В таком случае его родные, несомненно...

- Ни в коем случае, сэр! - взвизгнул старик. - И не думайте, что я заплачу вам хоть пенни. Так и знайте, мистер сыщик. Я единственный родственник этого молодого человека, и я заявляю, что меня все это не касается. Если у него есть виды на наследство, то только потому, что я никогда не бросал денег на ветер и сейчас не собираюсь этого делать. Что же касается бумаг, с которыми вы так бесцеремонно обращаетесь, то должен сказать, что если они представляют какую-нибудь ценность, вы будете по всей строгости отвечать за каждый пропавший листок.

- Отлично, сэр, - сказал Шерлок Холмс. - Но позвольте спросить, нет ли у вас каких-либо соображений, куда мог деться молодой человек.

- Никаких соображений! Он достаточно взрослый, чтобы заботиться о себе. И если у него хватило ума потеряться, пусть пеняет на себя. Я категорически отказываюсь участвовать в его розысках.

- Я понимаю вас, - сказал Холмс, и в его глазах сверкнул злой огонек.

- Но вы, кажется, не совсем меня понимаете. Годфри Стонтон небогат. И если его похитили, то вовсе не для того, чтобы завладеть его состоянием. Молва о вашем богатстве, лорд Маунт-Джеймс, распространилась даже за границей. Не исключено поэтому, что вашего племянника похитили бандиты, которые надеются выведать у него план вашего дома, ваши привычки и где вы храните драгоценности.

Лицо нашего неприятного посетителя стало белым, как его галстук.

- Боже мой, сэр, я никогда не думал, что люди способны на такое! Каких только мерзавцев нет на свете! Но Годфри - стойкий парень, он не предаст своего дядю. Впрочем, я сегодня же вечером отвезу в банк фамильное серебро. А вы, мистер сыщик, не жалейте, пожалуйста, сил. Во чтобы то ни стало найдите его целым и невредимым. Что же касается денег - ну, скажем,

пять или даже десять фунтов, - можете всегда рассчитывать на меня.

Но даже сейчас, в эту минуту просветления, титулованный скряга ничем не мог нам помочь, ибо почти ничего не знал о своем племяннике. Единственный ключ к тайне по-прежнему содержался в последних словах телеграммы, и Холмс с ее помощью надеялся нащупать следующее звено. Наконец лорд Маунт-Джеймс ушел. Ушел и Овертон, чтобы вместе с командой

обсудить свалившуюся на них беду. Рядом с гостиницей была почта, и мы остановились перед ней.

- Стоит рискнуть, Уотсон, - сказал Холмс. - Конечно, с ордером на руках я мог бы просто потребовать, чтобы мне показали корешки, но до этой стадии еще далеко. Я думаю, что они вряд ли запомнили его лицо в этой беспрестанной сутолоке. Рискнем!

- Простите за беспокойство, - обратился он через окошко к молодой девушке, пустив в ход все свое обаяние. - Вчера я отправил телеграмму и боюсь, что сделал в ней большую ошибку. Почему-то задерживается ответ, уж не забыл ли я подписаться. Могли бы вы проверить?

Девушка взяла пачку корешков.

- В котором часу вы отправили телеграмму? - спросила она.

- Сразу же после шести...

- Кому?

Холмс прижал палец к губам и оглянулся на меня.

- Она кончается словами: "...ради всего святого", - прошептал он. - Пожалуйста, я очень беспокоюсь.

Девушка отделила одну из телеграмм.

- Вот она. Фамилии действительно нет, - сказала она, разглаживая ее на стойке.

- Я так и знал, - сказал Холмс. - Боже, какой я идиот! До свидания, мисс, премного вам благодарен. У меня словно гора с плеч свалилась.

Когда мы вышли на улицу, он довольно засмеялся, потирая руки.

- Ну? - спросил я.

- Все хорошо, дорогой Уотсон! У меня в запасе было семь разных способов, как подобраться к телеграмме. Но я меньше всего ожидал, что повезет с первого раза.

- Что же вы узнали?

- Узнал отправной пункт наших исследований. Вокзал Кингс-Кросс, - сказал он кучеру подъехавшего к нам кэба.

- Значит, мы уезжаем из Лондона?

- Да, в Кембридж. Все говорит о том, что надо искать в этом направлении.

- Скажите, пожалуйста. Холмс, - начал я, когда кэб громыхал по Грэйс-Инн-роуд, - составили ли вы себе представление, почему исчез Годфри Стонтон? Мне кажется, что ни в одном вашем деле мотивы не были столь туманны. Вы вряд ли верите, что его похитили, зарясь на деньги его богатого дядюшки.

- Признаюсь, дорогой Уотсон, мне это действительно кажется

маловероятным. Я выдвинул такую версию, чтобы расшевелить этого в высшей степени неприятного старика.

- И вам это как нельзя лучше удалось. Но все-таки, Холмс, что случилось с молодым человеком?

- У меня есть несколько идей. Во-первых, молодой человек исчезает накануне важного матча. Факт немаловажный, если учесть, что он лучший игрок команды. Это может быть простым совпадением, а может, и нет. Любительский спорт - зрелище, на котором не принято заключать пари. И все-таки многие заключают. Значит, есть люди, которым выгодно вывести Стонтонна из игры. Ведь случается же, что перед скачками исчезает лучшая лошадь. Это первая версия. Вторая основывается на том очевидном факте, что молодой человек скоро станет обладателем громадного состояния, хотя в настоящее время его средства ничтожны. Можно предположить поэтому, что он стал жертвой шайки, которая потребует за него крупный выкуп.

- Но эти версии не объясняют телеграммы.

- Совершенно верно, Уотсон. Телеграмма пока остается единственной реальной уликой, и мы не должны отвлекаться от нее. Поэтому мы и едем в Кембридж. Там мы узнаем, какую роль играет телеграмма в этом деле. Дальнейший ход расследований пока неясен, но я буду очень удивлен, если к вечеру все или почти все не разъяснится.

Мы приехали в старый университетский городок с наступлением темноты. На вокзале Холмс нанял кэб и приказал кучеру ехать к дому доктора Лесли Армстронга. Спустя несколько минут наш кэб остановился у большого особняка на оживленной улице. Мы вошли в холл и, после долгого ожидания, были приглашены в приемную доктора.

Имя доктора Лесли Армстронга было мне незнакомо, что достаточно ясно показывает, как далек я был в то время от медицины. Теперь я знаю, что он не только один из лучших профессоров медицинского факультета, но и ученый с европейским именем, внесший значительный вклад в целый ряд наук. Даже ничего не слышав о его ученых заслугах, а только раз взглянув на него, можно было с уверенностью сказать, что он человек выдающийся. У него было крупное, волевое лицо, глубокий, сосредоточенный взгляд из-под густых бровей, массивный, как гранитная глыба, подбородок. Это был человек с острым умом и сильным характером: суровый, аскетический, сдержанный и даже внушающий робость. Он повертел в руках визитную карточку моего друга и неприветливо посмотрел на нас.

- Я слышал о вас, мистер Холмс, и о вашей деятельности и должен сказать, что я не одобряю ее.

- В этом вы единоклюшны, доктор, со всеми преступниками Англии, - спокойно ответил мой друг.

- Само собой разумеется, что, когда ваши усилия направлены на искоренение преступности, вас должны поддерживать все здравомыслящие члены

общества. Хотя, смею думать, официальные власти достаточно компетентны в своем деле. Достоин же осуждения то, что вы суеетесь в чужие тайны, извлекаете на свет божий семейные драмы, тщательно оберегаемые от постороннего глаза, и наконец отвлекаете от дела людей, более вас занятых. Сейчас, например, вместо того, чтобы беседовать с вами, я должен был бы писать научный трактат.

- Несомненно, доктор. И все же наша беседа может оказаться более важной, чем любой трактат. Между прочим, доктор, мы делаем как раз обратное тому, что вы так справедливо осуждаете. Мы охраняем от огласки чужие тайны, что неизбежно происходит, если дело попадет в руки полиции. Считайте меня партизанским отрядом, что ли, действующим отдельно от регулярных сил. Так вот, я сегодня приехал к вам поговорить о мистере Годфри Стонтоне.

- А что с ним случилось?

- Вы его знаете, не так ли?

- Он мой близкий друг.

- Вам известно о его исчезновении?

- Об исчезновении? - Суровое лицо доктора не дрогнуло.

- Он ушел из гостиницы вчера вечером, и больше его не видели.

- Он, несомненно, вернется.

- Завтра матч университетских команд.

- Мне нет дела до этих детских забав. Судьба молодого человека действительно не безразлична мне, потому что я знаю его и люблю, а регби - это не по моей части.

- Значит, я могу рассчитывать на вашу помощь. Я тоже обеспокоен судьбой мистера Стонтонна. Вам известно, где он находится?

- Нет, конечно.

- Вы видели его вчера или сегодня?

- Нет.

- Какого вы мнения о здоровье мистера Стонтонна?

- Он абсолютно здоров.

- Жаловался ли он когда-нибудь на недомогание?

- Ни разу.

Холмс вынул листок бумаги и показал его доктору.

- Как тогда вы объясните происхождение этой квитанции на тринадцать гиней, уплаченных в прошлом месяце мистером Годфри Стонтонном доктору Лесли

Армстронгу из Кембриджа? Я нашел ее на письменном столе Стонтонна среди прочих бумаг.

Лицо доктора налилось кровью.

- Я не вижу необходимости давать вам объяснения, мистер Холмс.

Холмс спрятал квитанции в записную книжку.

- Вы, по-видимому, предпочитаете давать объяснения перед публикой, - сказал он. - А я ведь вам уже говорил, что гарантирую сохранение тайны. Вы поступили бы гораздо благоразумнее, если бы вполне доверились мне.

- Я ничего не могу сказать об этой квитанции.

- Имели вы от Стонтонна какое-либо известие с тех пор, как он уехал в Лондон?

- Нет.

- Ох, уж эта почта! - сокрушенно вздохнул Холмс. - Вчера вечером в шесть часов пятнадцать минут Годфри Стонтон послал вам срочную телеграмму, которая, несомненно, связана с его исчезновением, и вам до сих пор ее не принесли. Это - возмутительное безобразие! Я сейчас же пойду в местное почтовое отделение и подам жалобу.

Доктор Лесли Армстронг вскочил на ноги, его темное лицо побагровело от гнева.

- Потрудитесь немедленно покинуть мой дом, сэр, - сказал он. - И передайте вашему хозяину, лорду Маунт-Джеймсу, что я не желаю иметь никаких дел ни с ним, ни с его агентами. - он неистово зазвонил в колокольчик. - Джон, проводи этих джентльменов.

Напыщенный дворецкий только что не вытолкал нас, и мы оказались на улице. Холмс рассмеялся.

- Да, доктор Лесли Армстронг - действительно решительный и энергичный человек, - сказал он. - Он с успехом мог бы заменить профессора Мориарти, направь он свои таланты по другому руслу. Итак, мой бедный Уотсон, мы одиноки и неприкаяны в этом негостеприимном городе. А ведь уехать отсюда мы не можем. Это значит отказаться от поисков. Смотрите, прямо напротив дома Армстронга, как нельзя более кстати, гостиница. Снимите комнату с окнами на улицу и купите еды, а я между тем наведу кое-какие справки.

Наведение справок заняло у Холмса больше времени, чем он предполагал, и в гостиницу он вернулся лишь к девяти часам. Он был в плохом расположении духа, бледен, весь в пыли и валился с ног от голода и усталости. На столе его ждал холодный ужин. Утолив голод, он раскурил трубку и приготовился в своем обычном полушутливом тоне рассказывать о своих неудачах, к которым он всегда относился с философским спокойствием. Вдруг на улице послышался скрип колес экипажа, Холмс поднялся и выглянул в окно. Перед домом доктора в свете газового фонаря стояла карета, запряженная парой серых лошадей.

- Доктор отсутствовал три часа, - сказал Холмс, - он уехал в половине седьмого и вот только что вернулся. Значит, он был где-то в радиусе десяти - двенадцати миль. Он ездит куда-то каждый день, а иногда даже два раза в день.

- Это не удивительно, ведь он практикующий врач.

- В том-то и дело, что Армстронг не практикующий врач. Он профессор и консультант, а практика только отвлекла бы его от научной работы. Зачем же ему понадобилось совершать эти длинные и утомительные поездки? Кого он навещает?

- Его кучер мог бы...

- Мой дорогой Уотсон, к кучеру я первым делом и обратился. Но он спустил на меня пса: не знаю, чем это объяснить - то ли его собственным свирепым нравом, то ли приказом хозяина. Однако вид моей трости не очень

понравился ни кучеру, ни собаке, и инцидент на этом был исчерпан. Наши отношения после этого настолько обострились, что о каких-либо расспросах не могло быть и речи. Но, к счастью, во дворе гостиницы я разговорился с одним славным малым - местным жителем, он-то и рассказал мне о привычках доктора и его ежедневных поездках. Во время нашего разговора, словно в подтверждение его слов, к дому доктора подъехала карета.

- И вы решили следовать за ней?

- Чудесно, Уотсон! Вы сегодня бесподобны, именно это я и решил. Рядом с нашей гостиницей, как вы, вероятно, заметили, есть магазин, торгующий велосипедами. Я бросился туда, взял напрокат велосипед и покатил за каретой, которая была уже довольно далеко. Я быстро нагнал ее и, держась на расстоянии около ста ярдов, следовал за ее фонарем. Так мы выехали из города и уже отъехали довольно далеко, когда случилось неожиданное: карета остановилась, из нее вышел доктор и, решительным шагом приблизившись ко мне, язвительно заметил, что, поскольку дорога узкая, он не хотел бы своей каретой загораживать мне путь. Он был неподражаем. Я проследовал мимо кареты и, отъехав несколько миль, остановился. Я ждал долго - карета словно сквозь землю провалилась. "Наверное, свернула на одну из проселочных дорог", - решил я и покатил обратно. Кареты и след простыл. Доктор вернулся, как видите, только сейчас. Сначала я никак не связывал эти поездки с исчезновением Годфри Стонтонна, меня просто интересовало все, что касается доктора Армстронга. Но хитрость доктора меня насторожила. И я не успокоюсь, пока все не узнаю.

- Попытаемся выследить его завтра.

- Сможем ли? Это не так просто. Вы ведь не знаете окрестностей Кембриджа! Укрыться на этой плоской, как стол, местности негде, а человек, которого мы хотим выследить, вовсе не глуп, как он это ясно показал сегодня. Я отправил телеграмму Овертону, чтобы он сообщил, не случилось ли в Лондоне чего нового. А пока сосредоточим все внимание на докторе Армстронге: ведь это его имя я прочитал на корешке телеграммы благодаря любезности телеграфистки. Я готов поклясться, он знает, где находится Стонтон. А если знает он, то должны узнать и мы. Надо признаться, что счет пока в его пользу, а вы хорошо знаете, Уотсон, что не в моих правилах бросать игру на этой стадии.

Но и следующий день не приблизил нас к решению загадки. После завтрака нам принесли записку, и Холмс с улыбкой протянул ее мне. Вот что в ней было:

"Сэр, смею вас заверить, что, преследуя меня, вы теряете время. Как вы убедились прошлой ночью, в задке моей кареты есть окно, и если вас не пугает двадцатимильная прогулка, конечным пунктом которой будут ворота вашей гостиницы, то можете смело следовать за мной. Но должен вам сказать, что слежка за мной никоим образом не поможет мистеру Годфри Стонтону. Я уверен, что лучшей услугой, какую вы могли бы оказать этому джентльмену, было бы ваше немедленное возвращение в Лондон. Скажите вашему хозяину, что

вам не удалось напасть на его след. В Кембридже вы ничего не добьетесь.
Искренне ваш Лесли Армстронг".

- Да, доктор прямодушный и честный противник, - сказал Холмс. - Но он разжег мое любопытство, и я не уеду отсюда, пока не узнаю, куда и зачем он ездит.

- Карета уже у его дверей, - сказал я. - А вот и он сам. Взглянул на наше окно. Садится в карету. Может, мне попытаться счастья на велосипеде?

- Нет, нет, мой дорогой Уотсон! При всем моем уважении к вашей природной сообразительности должен сказать, что доктор вам не по плечу. Я уж как-нибудь сам постараюсь с ним управиться. Боюсь, что вам пока придется заняться чем-нибудь другим, ибо появление двух любопытствующих незнакомцев в окрестностях Кембриджа вызвало бы нежелательные толки. Вы, несомненно, найдете много интересного в этом почтенном городе, а я постараюсь принести вечером более благоприятные вести.

Но и в этот день моему другу не повезло. Он вернулся поздно вечером, усталый и разочарованный.

- Весь день потратил впустую, Уотсон. Зная направление поездок доктора, я объездил все тамошние деревни, разговаривал с трактирщиками и другими осведомленными людьми. Я обошел Честертон, Хистон, Уотербич и Окингтон, и везде меня постигла неудача. Ежедневное появление кареты наверняка не осталось бы незамеченным в этом "сонном царстве". Словом, счет два - ноль в пользу доктора. Телеграммы не было?

- Была, я ее распечатал, вот она: "Помпей. Обратитесь Джереми Диксону Тринити-колледж", - и ничего не понял.

- Ну, это ясно. Телеграмма от нашего друга Овертона. Ответ на мой вопрос. Сейчас я пошлю записку мистеру Джереми Диксону. Уверен, что на этот раз счастье, несомненно, улыбнется нам. Кстати, как прошел матч?

- В сегодняшней вечерней газете помещен подробный отчет о матче. Выиграл Оксфорд. Вот чем кончается отчет: "Поражение светло-голубых объясняется отсутствием прославленного игрока международного класса Годфри

Стонтона. Оно дало о себе знать на первых же минутах встречи. Отсутствие комбинационной игры в трехчетвертной линии, вялость в нападении и обороне свели на нет усилия этой сильной и дружной команды".

- Значит, беспокойство нашего друга Овертона имело основания, - сказал Холмс. - Но лично я разделяю мнение доктора. Мне тоже нет никакого дела до регби. А сейчас спать, Уотсон, завтра нам предстоит хлопотливый денек.

Я пришел в ужас, когда, проснувшись на следующее утро, увидел Холмса у камина с небольшим шприцем в руках. Шприц ассоциировался у меня с его единственной слабостью, и я решил, что мои худшие опасения оправдались. Увидев ужас на моем лице, Холмс рассмеялся и положил шприц на стол.

- Нет, нет, дорогой друг, не надо беспокоиться. Шприц на этот раз не орудие зла, это скорее ключ к разгадке тайны. Я возлагаю на него большую надежду. Все пока что благоприятствует нам. Я только что совершил

небольшую вылазку. А теперь позавтракайте поплотнее, Уотсон, ибо сегодня мы возьмем след доктора Армстронга. И я не позволю ни себе, ни вам ни минуты отдыха, пока мы не загоним его в нору.

- Тогда давайте захватим завтрак с собой. Я не успею поест: ведь доктор сию минуту уедет. Карета уже у дверей.

- Сегодня это неважно. Пусть едет. Он будет семи пядей во лбу, если ему удастся ускользнуть от нас. Когда позавтракаете, мы спустимся вниз, и я познакомлю вас с одним замечательным сыщиком.

Мы сошли вниз, и Холмс повел меня в конюшню. Открыв стойло, он вывел приземистую и вислоухую пегую собаку-ищейку.

- Позвольте представить вам Помпея, - сказал он, - гордость местных охотников. Судя по его сложению, он не шибкий бегун, но зато он отлично держит след. Ну, Помпей, хотя ты и не очень быстр, но, думаю, двум лондонцам среднего возраста будет нелегко угнаться за тобой, поэтому я позволю себе прикрепить к твоему ошейнику этот кожаный поводок. А теперь вперед, покажи, на что ты способен.

Он подвел Помпея к дому доктора. Собака понюхала землю и, натянув повод, с визгом рванулась по улице. Спустя полчаса мы были за городом.

- Что это значит. Холмс? - спросил я.

- Старый, избитый прием, но порой дает отличные результаты. Сегодня утром я заглянул во двор к доктору и облил из шприца заднее колесо кареты анисовым маслом. Помпей будет гнать за ним хоть до самого Джон-о'Гротса[1]. Чтобы сбить его со следа, нашему другу пришлось бы в карете переправляться через Кэм. Ах, какой хитрец! Вот почему ему удалось улизнуть тогда ночью!

Собака вдруг круто свернула с дороги на поросший травой проселок. Через полмили он вывел нас на другое шоссе. След круто повернул вправо. Дорога обогнула город с востока и повела в направлении, противоположном тому, в каком мы начали преследование.

- Значит, этот крюк он сделал исключительно ради нас, - сказал Холмс.

- Не удивительно, что мои вчерашние поиски ни к чему не привели. Доктор играет по всем правилам. Интересно, что его заставляет прибегать к таким хитростям? Вон там, справа, должно быть, Трампингтон. Смотрите. Уотсон. А, карета! Скорее, скорее, иначе все пропало!

Он бросился в ближайшую калитку, увлекая за собой упирающегося Помпея. Едва мы укрылись за живой изгородью, как карета промчалась мимо. На мгновение я увидел доктора Армстронга. Он сидел сгорбившись, обхватив руками голову, - живое воплощение горя. Взглянув на помрачневшее лицо моего спутника, я понял, что и он заметил состояние доктора.

- Боюсь, как бы наши поиски не имели печального конца, - сказал он. - Но мы сейчас все узнаем. Помпей, вперед! Вон к тому дому!

Сомнений не было: мы достигли цели. Помпей, взвизгивая, бегал у ворот, где еще виднелись следы экипажа. Холмс привязал собаку к плетню, и мы по дорожке поспешили к дому. Мой друг постучал в невысокую, грубо сколоченную дверь, подождал немного и постучал снова. В доме кто-то был, оттуда доносился стон, полный безысходного отчаяния и горя. Холмс в

нерешительности постоял у двери, потом оглянулся на дорогу. По ней мчалась карета, запряженная парой серых лошадей.

- Доктор возвращается! - вскричал Холмс. - Скорее в дом. Мы должны узнать, в чем дело!

Он распахнул дверь, и мы оказались в холле. Стон усилился, перейдя в непрерывный отчаянный вопль. Он доносился откуда-то сверху. Холмс стремительно бросился туда, я за ним. Он толкнул полуоткрытую дверь, и мы в ужасе остановились перед открывшейся нашим глазам картиной.

На кровати недвижно лежала молодая красивая девушка. Ее спокойное бледное лицо обрамляли пышные золотистые волосы. Потускневшие широко

открытые голубые глаза смотрели в потолок. В изножье кровати, зарывшись лицом в простыни, стоял на коленях молодой человек, тело его содрогалось от рыданий. Горе совсем убило его, он даже не взглянул в нашу сторону. Холмс положил ему руку на плечо.

- Вы мистер Годфри Стонтон?

- Да, да... Это я. Но вы пришли поздно. Она умерла.

Он, видимо, принял нас за врачей. Холмс пробормотал несколько слов соболезнования и попытался объяснить ему, сколько хлопот доставил он своим друзьям, когда на лестнице слышались шаги и в дверях появилось суровое, порицающее лицо доктора Армстронга.

- Итак, джентльмены, - сказал он, - вы добились своего и выбрали для вторжения самый подходящий момент. Я не хотел бы затевать ссору в присутствии усопшей, но знайте: будь я моложе, ваше чудовищное поведение не осталось бы безнаказанным.

- Простите, доктор Армстронг, но мне кажется, мы не совсем понимаем друг друга, - с достоинством отвечал мой друг. - Не согласитесь ли вы спуститься вниз, где мы могли бы обсудить это печальное дело?

Через минуту мы сидели в гостиной.

- Я слушаю вас, сэр, - сказал доктор.

- Прежде всего я хочу, чтобы вы знали, что я не имею никакого отношения к лорду Маунт-Джеймсу, более того, этот старик мне глубоко несимпатичен. Поймите, если исчезает человек и ко мне обращаются за помощью, мой долг - разыскать его. Как только пропавший найден, миссия моя окончена. И если не был нарушен закон, то тайна, которой я невольно коснулся, навсегда останется тайной. В этом деле, как я полагаю, не было нарушения закона, и вы можете целиком рассчитывать на мою скромность. Ни одно слово о нем не проникнет на страницы газет.

Доктор Армстронг шагнул вперед и протянул Холмсу руку.

- Я ошибался в вас, мистер Холмс, - сказал он. - Вы настоящий джентльмен. Я оставил было несчастного Стонтонна наедине с его горем, но потом, благодарение богу, решил вернуться обратно: может, ему понадобится моя помощь. И это дало мне возможность узнать вас лучше. Вы достаточно осведомлены об этом деле, и мне не составит труда объяснить все остальное. Год назад Годфри Стонтон снимал квартиру в Лондоне. Он полюбил дочь хозяйки и вскоре женился на ней. Мир не видел женщины нежнее, красивее и

умнее ее. Никто не постеснялся бы иметь такую жену. Но Годфри - наследник этого отвратительного скряги. И если бы он узнал о женитьбе племянника, он лишил бы его наследства. Я хорошо знаю Годфри и очень люблю его. Он в полном смысле слова прекрасный человек. И я всячески способствовал тому, чтобы сохранить его тайну. Благодаря этому уединенному дому и осторожности Годфри об их браке до сегодняшнего дня знали только два человека - я да еще преданный слуга, который сейчас ушел за врачом в Трампингтон. Некоторое время назад Годфри постиг страшный удар - его жена опасно заболела. Оказалась скоротечная чахотка. Годфри чуть не лишился рассудка от горя; но все-таки ему пришлось ехать в Лондон на этот матч, ибо он не мог объяснить своего отсутствия, не раскрыв тайны. Я пытался ободрить его, послав ему телеграмму. Он ответил мне, умоляя сделать все, чтобы спасти ее. Вам каким-то чудом удалось прочесть его телеграмму. Я не хотел говорить ему, как велика опасность, так как его присутствие здесь ничему бы не помогло, но я написал всю правду отцу девушки, а тот, позабыв благоразумие, рассказал обо всем Годфри. Годфри, все бросив, приехал сюда в состоянии, близком к безумию. И на коленях простоял у ее постели до сегодняшнего утра, пока смерть не положила конец ее страданиям. Вот и все, мистер Холмс. Я не сомневаюсь, что могу положиться на вашу скромность и на скромность вашего друга.

Холмс крепко пожал руку доктору.

- Пойдемте, Уотсон, - сказал он.

И мы вышли из этого печального дома навстречу бледному сиянию зимнего дня.